

МЕТРО ХРОНОСА

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Метро Хроноса

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Метро Хроноса / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Под Москвой скрыта ветка метро, которой нет ни на одной карте. Её поезда идут по одному городу — сквозь разные эпохи. Диггер Илья Сомов ищет следы пропавшего отца и случайно спасает Веру, чертёжницу из XIX века. Вскоре из памяти знакомых исчезает человек, помогавший Илье, а по их следу выходят Обходчики — безликие исполнители, устраняющие нарушения времени. Чтобы остановить преследование, Илье и Вере придётся проехать от древнего города до далёкого будущего и найти архитектора подземной ветки. Но каждая остановка раскрывает новые тайны, и одна из них ведёт к отцу Ильи.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стена без шва	6
Глава 2. Женщина на путях	10
Глава 3. Следующий пассажир	14
Глава 4. Город без Антона	18
Глава 5. До названия	22
Глава 6. Служебная лестница	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Руслан Махмудов

Метро Хроноса

МЕТРО ХРОНОСА

Руслан Махмудов

Глава 1. Стена без шва

На плане, который оставил отец, лестница заканчивалась раньше, чем в действительности.

Илья заметил это, когда Майя остановилась на предпоследней ступени. Дальше её фонарь выхватывал кирпичный свод и тёмную воду в узком желобе. До дна было ещё метра полтора. Отец нарисовал здесь площадку, дверь и короткую пометку: «Нижний уровень обследован».

— Ну что? — спросила Майя. — Твой папа тоже ошибался?

Она не вкладывала в вопрос ничего обидного. За три года совместной работы они привыкли проверять любые измерения, в том числе собственные вчерашние. Илья всё равно ответил слишком быстро:

— Он не мог не досчитать шесть ступеней.

Майя повернула голову. Свет скользнул по стене, по корням, пробившимся через кладку, по обрывку старой изоляции. Она собиралась что-то сказать, но передумала.

Сверху остался подвал пустого складского корпуса. Через месяц его должны были снести; их небольшую фирму наняли проверить соседние здания, которые могли пострадать от работ. Илья обнаружил в документах адрес из отцовской записной книжки, попросился на объект и задержался после окончания смены. Майя согласилась помочь с замерами. Про личную причину он рассказал уже у лестницы.

Это было нечестно, и он понимал. Днём, в кабинете, она, возможно, отказалась бы. На месте, увидев его руки, разворачивающие затёртый план, отказаться было труднее.

— До нижней площадки и обратно, — сказала она. — У нас не экспедиция на неделю. И если этот прибор начнёт пищать, даже отец твой нас не удержит.

Она постучала пальцем по закреплённому на груди газоанализатору. Илья кивнул. Сырая кладка, отсутствие уверенности в перекрытиях и чёрный желоб не оставляли места для бравады. За последние годы он научился выходить из тоннеля, когда хотелось пройти ещё десять метров. Два приятеля, не научившиеся этому, больше никуда не ходили.

На нижней площадке пахло мокрым известняком. Вода двигалась медленно, но у стены её поверхность дрожала частыми мелкими кругами.

Майя присела, не касаясь желоба.

— Вибрация.

Илья положил ладонь на кирпич.

Сначала ничего. Потом через кожу прошёл слабый толчок. Через несколько секунд другой. Он вспомнил шум, который иногда слышал в квартире детства, прежде чем по рельсам за окнами показывался поезд. Здесь толчки шли с той же неравномерностью: короткий промежуток, длинный, короткий.

— Метро? — спросила Майя.

— Не здесь.

— Подземные коммуникации на твоём рисунке тоже не здесь.

Он вытащил из нагрудного кармана современную схему. Они сверили её с планом отца ещё наверху. В этом направлении обозначался глухой фундамент давно разобранного здания. Илья работал с такими схемами достаточно, чтобы не принимать отсутствие линии за доказательство отсутствия тоннеля. Но глубина тоже не сходилась.

Вибрация прекратилась.

Майя проверила показания прибора и включила диктофон.

— Нижняя площадка. Видимых трещин нет. Вибрация периодическая. Источник не установлен.

Её спокойный рабочий голос немного помог. Илья разгладил сложенный план. Бумага была плотная, желтоватая, с ржавым следом от скрепки. Отец хранил её в папке с расходными квитанциями и схемами вентиляции. После его исчезновения мать долго не позволяла трогать папку. Потом сама выбросила часть бумаг, а эту Илья забрал из пакета у двери.

В десять лет ему казалось, что в линиях спрятан шифр. В семнадцать он решил, что зацепился за обычный чертёж, потому что больше зацепиться было не за что. В двадцать семь выяснилось, что лестница на чертеже действительно неправильная.

— Покажи нижний край, — сказала Майя.

Она указала на пометку.

Буква «д» в слове «обследован» была с петлёй. Отец так не писал. У него все «д» походили на маленькие домики. Илья заметил это ещё утром и успел убедить себя, что усталость меняет почерк.

Теперь он достал вторую бумагу: обведённый тушью фрагмент лестницы. Его сделал Антон Зотов, бывший преподаватель, к которому Илья носил трудные чертежи. Антон любил бумагу настолько, что называл экран «стеклянной доской для временных мыслей». Он рассмотрел фотографию плана, увеличил подозрительные линии и перерисовал их вручную.

Под словами на копии угадывался другой штрих. Длинный, с нажимом. Возможно, часть буквы.

— Надпись дописана поверх, — сказала Майя. — Или обведена. В лаборатории бы посмотреть.

— Антон считает, там было «не останавливаться».

— Считает или прочитал?

— Считает.

— Это разные вещи.

Илья убрал листы. Разница была важной, и всё же поздняя надпись объясняла несоответствие лучше, чем ошибка отца.

В углу площадки лежал железный короб. Стенки его проржавели, крышка провалилась внутрь. Майя посветила туда, потом выше, на кирпичную арку. Под слоем солевых потёков проступала металлическая пластина размером с открытку.

Илья очистил её рукавицей.

Никакого названия. Только номер: 09/26.

— Как дата, — сказала Майя.

— Или номер секции.

Под пластиной кирпичи выглядели иначе. На них не было швов.

Он провёл по поверхности светом сбоку. Каждый кирпич имел собственную фактуру, щербинки, неровные края, но раствор между ними не выступал и не уходил в глубину. Тёмные полосы казались нарисованными.

Майя сняла несколько кадров с масштабной линейкой.

— Облицовка?

— Тогда должны быть крепления.

— Мы их не видим. Это не значит, что их нет.

Илья нажал ладонью на гладкий участок. Материал был чуть тёплым. В холодном подвале это ощущалось отчётливо.

Майя потянула его за локоть.

— Хватит. Замеры есть. Завтра приводим сюда человека с нормальным оборудованием.

Он хотел возразить. Изнутри снова донеслась вибрация, а вслед за ней тихий металлический стук. Теперь звук уже не походил на городской поезд. Будто за стеной протащили цепь и уронили один её конец.

На пластине появилась тонкая светлая черта.

Майя убрала руку с его локтя.

Черта разделила номер надвое, спустилась к полу и продолжила путь вверх по кладке. Илья шагнул назад. За целой на вид стеной отозвался тяжёлый механизм. Часть кирпичной поверхности повернулась внутрь, обнажив чёрный прямоугольник.

Прибор у Майи не издал звука. Воздух из прохода был суше подвального и пах нагретым железом.

На открывшейся двери висела жестяная табличка.

«При переходе сверять год».

— Это чья-то шутка, — сказала Майя.

Она произнесла это неуверенно, но предположение стоило проверить. Илья посветил в проход. За ним находился короткий тамбур. Дальше начинался коридор с белой плиткой. По полу шла узкая жёлтая полоса. На стене, под потемневшим стеклом, висел план: одна линия, двенадцать кружков. Вместо названий у кружков стояли числа.

1176. 1648. 1819. 1888.

Илья перевёл свет ниже.

1935. 1941. 1976. 2009.

На цифре 2009 была маленькая царапина, словно кто-то долго тыкал в неё остриём.

Дальше шли 2026, 2064, 2186 и 2470.

Майя фотографировала из-за его плеча.

— Декорации, — сказала она. — Съёмочная площадка. Странно, что заказчик не предупредил.

Илья подошёл к плану. Под стеклом, у самого нижнего края, кто-то написал карандашом: «Сомов. Не выводить на поверхность».

Буквы были сдавлены, как бывает, когда пишут на вертикальной стене. Последняя «в» уходила под рамку.

Он смотрел на фамилию и чувствовал, как тяжелеет бумажная папка под курткой. Первое желание было разбить стекло, снять лист, унести. Он уже поднял руку, когда Майя удержала его.

— Сначала снимаем. Потом думаем.

Она сделала крупный кадр.

— Здесь написано только «Сомов». Не «Сергей Сомов». И мы не знаем, кто это написал.

Он кивнул, но не смог ответить.

Из глубины коридора донёсся женский крик.

Короткий. Резко оборвавшийся.

Майя повернулась к проходу.

— Есть кто?

Ответа не было. Потом послышался скрежет и несколько неровных ударов, как если бы тяжёлый предмет тащили по ступеням.

Илья побежал.

— Стой! — крикнула Майя. — Вместе!

Он замедлил шаг, чтобы она догнала его. Коридор поворачивал налево, но выглядел короче, чем должен был: за поворотом сразу открылась низкая платформа. Её освещали две лампы в матовых колпаках. На путях стоял тёмный вагон с открытой дверью. Дальше, у края света, кто-то двигался.

Над платформой висело табло.

1888.

Майя посмотрела на него, потом назад.

— Илья, назад.

Из темноты донёсся ещё один крик. Теперь он разобрал слово.

— Не подписывала!

У дальнего торца платформы стояли двое в длинных рабочих куртках. Один держал фонарь с узкой щелью вместо стекла. Другой тянул к путям женщину. Она сопротивлялась, упираясь каблуками в пол, но подошвы скользили по мокрой плитке.

Под её локтем белела полоска ткани. На ней были крупные чёрные цифры.

Майя подняла фонарь.

— Эй! Отпустите её!

Человек с фонарём повернул голову.

Его лицо закрывала гладкая пластина. Там, где должны были быть глаза, проходила горизонтальная прорезь. Илья не увидел за ней ничего, хотя свет бил прямо в неё.

Внизу, за платформой, начали дрожать рельсы.

Глава 2. Женщина на путях

Илья выхватил из сумки складную измерительную рейку. Не самое подходящее оружие, зато она уже лежала под рукой.

Человек с фонарём поднял свободную ладонь.

— Проход закрыт. Служебная операция.

Голос был тихий, с сухим скрипом на согласных. Слова Илья понял отчётливо. Но за ними слышался другой звук, будто ту же фразу одновременно проговорили несколько человек в дальней комнате.

Женщина перестала упираться и вдруг бросилась вперёд, к краю. Тот, кто держал её, не ожидал такого движения. Она вывернула руку, ударила его плечом и упала на колени. До рельсов оставалось меньше метра.

Илья не стал размышлять, убегает она от них или хочет броситься под поезд. Он шагнул через жёлтую полосу поперёк платформы.

Подошва коснулась плитки, и у него заложило уши.

Свет Майиного фонаря исчез.

Он обернулся. Проход, через который они пришли, закрывала решётка. Майя стояла за ней, хватаясь за прутья. Он видел, как шевелятся её губы, но слышал только звон в собственных ушах.

Две лампы над платформой горели по-прежнему. Вагон, который он заметил из коридора, оказался неподвижной частью старого состава, поставленного на боковой путь. Приближающийся поезд шёл по другому пути, вдоль края, где лежала женщина.

Один из людей в масках уже наклонился к ней.

Илья ударил рейкой по его предплечью. Он целился в кисть, чтобы освободить женщину, но тот успел повернуться. Рейка с резким щелчком сложилась на шарнире.

Под курткой была обычная рука. В этом Илья успел убедиться. Смуглая кожа, сухожилия, старый белый рубец.

Человек замер. Илья схватил женщину за плечи и потянул к себе.

— Вставайте!

Она вцепилась в его рукав так сильно, что ногти продавили ткань. На её голове висела набок маленькая шляпа; из-под неё выбились волосы. Илья на мгновение разозлился на эту неудобную шляпу, на длинную юбку, в которой путались ноги, на чужую неподвижность. Затем понял, что женщина не может подняться: ремень связывал её щиколотки.

Он полез за ножом.

— Руку уберите! — сказала она.

Вместо просьбы прозвучал деловой приказ. Это помогло лучше крика. Илья отдернул кисть, разрезал ремень и поставил её на ноги. Она сразу попробовала опереться на правую ступню, поморщилась, перенесла вес на левую.

У края платформы остановился поезд.

Тёмно-зелёный, с узкими окнами и металлическими накладками на углах. Из-под первого вагона вырвалась струя белого пара. Вместе с ней пришёл запах масла, который Илья почему-то узнал: отец пах так после смены, когда чинил у себя в мастерской чужие инструменты.

Дверь открылась.

— Сюда, — произнёс мужчина в кабине.

Илья успел увидеть седые волосы, тёмный воротник и руку на дверной рукоятке. Мужчина стоял неровно, берег левую ногу.

— За решёткой человек, — сказал Илья. — Откройте проход!

Машинист посмотрел туда.

— До отправления не откроется. Она на своём году. Ей сейчас безопаснее оставаться там.

— Что значит на своём...

Женщина дёрнула Илью к вагону.

Человек с фонарём шёл к ним. Рейка, вырванная у Ильи, лежала на полу. Его спутник поднимался, придерживая предплечье. Оба двигались с такой обстоятельностью, будто опоздать не могли.

— Сначала в поезд, — сказал машинист.

Илья подвёл женщину к двери, помог подняться и обернулся к решётке. Майя показывала ему телефон. Потом подняла большой палец, хотя по её лицу было видно, что ничего хорошего она не думает. Он указал на себя, на поезд и обратно на проход, обещая вернуться. Она отчаянно помотала головой.

— Поедешь или отдашь её? — спросил машинист.

Человек с фонарём остановился в двух шагах. Он вытащил из внутреннего кармана плотный конверт и показал его водителю.

— Возврат пассажира. Основание действующее.

Водитель не взял конверт.

— Пассажира на борту нет.

— Она в дверях.

— Пока билет не выдан, пассажира нет.

Из вагона высунулась пожилая женщина в тёмном жилете. Ключи на её цепочке столкнулись с дверной ручкой. Она протянула спасённой девушке картонный прямоугольник, другой вложила в ладонь Ильи.

Картон сохранял тепло её пальцев.

— Теперь есть, — сказала она. — Внутрь.

Илья шагнул на ступень. Дверь захлопнулась перед маской. Поезд качнулся и пошёл вперёд.

Майя осталась по другую сторону решётки. Он увидел её только раз, в первом окне, и затем платформу скрыла стена.

— Остановите! — сказал он.

Машинист опустил взгляд на его руки.

— Следующая остановка ваша. Если до неё доберёмся.

Илья бросился к двери кабины, но кондуктор встала поперёк узкого прохода.

— Не отвлекайте человека от управления. Сядьте и считайте дыхание. Девять раз. Потом вопросы.

Кондуктор говорила устало, без раздражения. Илья заметил, что сам задержал дыхание, и выдохнул.

Илья не сел. Кондуктор и не настаивала. Она повернулась к девушке.

— Нога?

— Наступать могу.

— Сядьте всё-таки.

Та села на деревянную скамью и принялась ощупывать щиколотку. Шляпу она сняла, вытянула длинную булавку и положила рядом. Дрожащие руки плохо слушались; булавка дважды выскользнула на пол. Илья поднял её и протянул.

— Спасибо, — сказала девушка, впервые посмотрев ему в лицо. — Как вас зовут?

— Илья.

— Вера Ланская.

Она произнесла фамилию отчётливо, словно это могло пригодиться для протокола. На правом рукаве её серого жакета осталась пришитая полоска: 47.

— Кто эти люди?

Вера осторожно выпрямила ногу.

— Обходчики. Я думала, они придут за мной утром.

— Почему?

— Я взяла не свою бумагу.

Она отвела глаза. Поезд вышел на участок с редкими светильниками. В оконном стекле Илья увидел их отражения: себя в рабочей куртке, кондуктора с ключами, девушку в одежде, которую до этого встречал только на фотографиях.

— Вы снимались здесь? — спросил он.

Вера нахмурилась.

— У фотографа?

— Нет. В фильме.

Она не поняла.

Кондуктор забрала у Ильи картонку, приложила к маленькому медному прибору у пояса и вернула. В центре появилась дырка. Под ней проступили цифры: 2026.

Илья потёр их большим пальцем. Краска не смазалась.

На Верином билете стояло 1888.

— Они нарядились? — тихо спросил он кондуктора.

— Кто?

— Все вы.

Она посмотрела на его каску, которую он всё ещё держал в руке, на компактный фонарь и ремни сумки.

— Вы тоже нарядились. Только для другой работы.

Он почувствовал, что сейчас сорвётся. Кондуктор, заметив это, потянула за латунную ручку на стене. Под ней открылась узкая панель. Там лежал журнал, раскрытый на странице с несколькими строками. В одной было написано его полное имя.

«Илья Сергеевич Сомов. Вход: 2026. Переход: 1888. Регистрация временная».

Ни он, ни Майя не называли здесь его отчество.

— Откуда это?

— Пишется при переходе.

— Кем?

— Я до сих пор не выяснила. Но ошибка в фамилии бывает редко.

Она закрыла панель.

— Меня зовут Аглая. Ваше имя я прочитала сейчас. Из какой вы квартиры, сколько у вас денег и что вы делали вчера, мне неизвестно. Не тратьте силы на проверку именно этих вещей.

Вера поднялась, прицепила шляпу к запястью и подошла к противоположному окну.

— Мы вышли из служебного рукава, — сказала она. — Там отвод к Театральной. Где у вас стрелка?

— Сейчас прямой ход, — ответила Аглая.

Вера посмотрела на неё с недоверием, но села обратно.

Поезд шёл без привычного грохота. Колёса стучали на стыках; иногда металлическая обшивка тихо звенела. Под скамьёй лежала сетка с двумя яблоками и завёрнутым в ткань хлебом. На крючке качалась чья-то шапка. Эти мелочи противоречили всему, что Илья пытался думать: у тщательно устроенной декорации не было причины пахнуть яблочной кожурой и старой мокрой шерстью.

Он вытащил телефон. Сети не было. Часы показывали 22:24. На лестницу он спускался в 22:18. Прошло шесть минут; телефон продолжал считать их, хотя за окном был чужой век.

Вера посмотрела на экран.

— Он светится без огня?

— Да.

— Электричество?

— Да.

— Тогда почему вы на меня так смотрите?

Он убрал телефон.

По внутренней связи зашипело. Илья приготовился услышать объявление станции. Вместо него прозвучало:

— Четвёртая ведомость открыта. Расход сорок семь не завершён. Доставить к проверке двух.

Аглая медленно сняла ключи с дверной цепочки и зажала их в кулаке.

Машинист закрыл окно кабины.

Вера сжала свой билет так, что картон согнулся пополам.

— Не отдавайте меня, — сказала она.

Теперь она смотрела прямо на Илью.

До этого момента он пытался придумать объяснение тому, что увидел. Съёмка, розыгрыш, галлюцинация от воздуха в подвале. Ни одно не объясняло испуг на её лице. И пока он искал подходящее слово для поезда, за этой девушкой уже прислали распоряжение.

— Не отдам, — сказал он.

Аглая не одобрила и не осудила его обещание. Она подошла к стене, откинула крышку узкого шкафа и достала толстую книгу в выцветшей клеёнке.

— Тогда начнём с того, куда вы попали.

Глава 3. Следующий пассажир

Книга оказалась не расписанием. На первой странице шла таблица из двенадцати строк, а дальше были карманы с пожелтевшими квитанциями. Большая часть страниц оставалась пустой. Между ними виднелась промокательная бумага, местами густо испачканная синими чернилами.

Аглая раскрыла книгу на середине. Вера придвинулась к ней. Илья сел напротив — наконец, потому что колени начинали дрожать.

— У вас есть два билета, — сказала Аглая. — По одному на каждого. Держите их при себе. В тоннеле и на платформе год снаружи вас не касается. За дверью выхода касается. Перед выходом всегда смотрите на табло.

Илья взглянул на схему над окнами.

— Мы проехали полтора века?

— Ещё не приехали.

— Но это так работает?

— Да.

Он ждал, что она улыбнётся. Аглая листала книгу.

— На вашем году можно выйти без разрешения. На чужом нужен талон. Его выдают на участок и на время. Без талона выход не откроется. Не обманывайте себя: закрытая дверь редко становится добрее, если ломать её плечом.

— Зачем вообще это существует?

— На такой вопрос я отвечаю после еды. Иногда и после сна. У вас сейчас задача проще: вернуться к товарищу и решить, будете ли вы выполнять просьбу этой барышни.

Вера резко подняла глаза.

— Вы же понимаете, что у меня нет времени?

— Понимаю. Поэтому и говорю по порядку.

Аглая достала из кармана маленькую плоскую фляжку, налила воду в крышку и протянула Вере. Вера выпила несколькими короткими глотками. Затем фляжку взял Илья. У воды был металлический привкус, но она помогла.

— Как долго вы тут работаете? — спросил он.

— По телу — двадцать три года. По календарю можно сказать что угодно. Толку от этого немного.

Из кабины послышался кашель. Машинист приглушил лампу за матовым стеклом. Его силуэт стал почти невидимым.

— Мы можем проехать сразу на нужный год? — спросил Илья.

— Если стрелки выставлены. Сейчас идём на двадцать шестой. Промежуточные платформы пройдем по обходному пути. На некоторые сегодня без допуска не пускают.

Слово «допуск» оказалось понятнее слова «эпоха». В знакомой работе доступ к зданию тоже зависел от чужой подписи. Илья невольно проверил карман с пропуском их фирмы, будто он мог здесь пригодиться.

Вера отодвинула крышку фляжки.

— Я работала в чертёжной конторе Крестова, — сказала она. — Проектировали подземные крепления. Нам выдавали части планов, мы переносили их набело. Где будет вся постройка, никто не объяснял.

— Вы не знали про поезд?

— Догадывалась. Сначала думала, что это испытательная дорога. Потом увидела на плане один и тот же участок с разными отметками года. Хотела спросить Павла. Он крепильщик. Старший брат.

Она разгладила юбку над коленом, задержала руку на складке.

— Его не было дома три дня. В конторе сказали, он переведён. Куда, не сказали. Мне показали заявление. Он будто сам написал. Павел пишет «прошу» через «а», всегда, сколько его ни поправляй. В заявлении было без ошибки.

Илья вспомнил чужую «д» на отцовском плане.

— Вы полезли в бумаги.

— Не сразу. Сначала я поверила. А потом его вещи принесли в мешке.

Она сказала это очень ровно. Аглая перестала листать.

— Среди них лежал ключ от шкафа. Павел не носил его домой. Я пришла в контору вечером, сказала сторожу, что забыла чертёж. В шкафу были ведомости. В одной числился Павел. В другой я.

— Под каким названием?

Вера не ответила. Она рассматривала пришитый к рукаву номер.

Аглая спросила тихо:

— «Компенсация»?

Вера кивнула.

— Бумагу вы взяли?

— Да. Но у меня отобрали сумку.

— Где?

— В проходе к платформе. Я пыталась найти, куда перевели брата. Ключ открыл нижнюю дверь.

Илья повернулся к Аглае.

— Что они компенсируют?

Кондуктор сняла с книги тонкую резинку. Та оборвалась у узла, и Аглая раздражённо бросила её в карман.

— Обычно говорят, что вмешательство надо уравновесить. Кто-то вышел не на своём году, сделал что-то, что не должен был. Обходчик доставляет приказ. После проверки человек пропадает из города. Потом из бумаг. Потом из памяти тех, кто остался наверху.

— А вы помните?

— Мы на линии. Здесь память не меняется.

— Это невозможно.

Аглая пожала плечами.

— Не предлагаю вам поверить на слово.

— А что предлагаете?

— Сверить то, что вы помните, с тем, что найдёте дома. И до проверки не выносить на поверхность свои бумаги. Если они вам дороги.

Он положил руку на карман с планом.

Поезд начал тормозить. За окнами появилась платформа с зелёной полосой на белой стене. Табло светилось ровными красными цифрами: 2026.

У первого вагона стоял мужчина в хорошем сером пальто. Его лицо было открыто. Седина начиналась у висков, улыбка показывала чуть неровные нижние зубы. Он держал в руке кожаную папку, как представитель подрядчика на объекте, которому надо получить подпись до обеда.

Аглая тихо закрыла книгу.

— Вера, садьте дальше от двери.

Мужчина поднялся в вагон ещё до полной остановки и извинился, задев плечом косяк.

— Сергей, вы меня не слышали? — спросил он в сторону кабины.

Илья повернул голову. Имя отца прозвучало так неожиданно, что он на секунду забыл про Крестова. Потом заставил себя остановиться: Сергеев в городе тысячи. В кабине он видел только седые волосы и половину лица.

Машинист не вышел.

— Состав занят, — ответил он.

— Вижу. Потому и спрашиваю.

Новый пассажир посмотрел на Илью, затем на Веру.

— Яков Матвеевич Крестов. Начальник эксплуатации. Приношу извинения за грубость работников. Ночь непростая.

Вера встала.

— Где Павел?

Он помедлил, будто вспоминая фамилию.

— Ваш брат принят на службу. Он жив.

— Тогда покажите его.

— Сейчас он на обходе. Дежурства нельзя прерывать из-за семейных вопросов.

Илья заметил, как побелели её губы. Он поднялся рядом.

— Вы пытались бросить её под поезд.

Крестов посмотрел на него без удивления.

— Вы увидели окончание процедуры и не знаете её начала. Вера Андреевна вошла в закрытую зону. В результате возникло нарушение. Я обязан его устранить.

— Она сказала, что не подписывала.

— Потому что устное согласие тоже имеет силу.

— Я не соглашалась, — произнесла Вера.

Крестов открыл папку, но не показал ей лист.

— Вы соглашались сохранить жизнь брату. Помните разговор в чертёжной?

Её лицо изменилось. Илья понял, что такой разговор был. Это не значило, что Крестов говорил правду обо всём остальном.

— Вы сказали, его работа опасна. Я попросила отправить его на другой участок.

— И я пошёл вам навстречу.

— Вы ничего не объяснили.

— Не всё можно объяснить человеку без подготовки.

Крестов посмотрел на Илью.

— Молодой человек, вернитесь в свой город. Коллега ждёт за выходом. Вера Андреевна останется со мной. Завтра она сможет продолжить обычную жизнь.

— Где?

— У себя дома.

— До или после вашей процедуры?

Улыбка исчезла.

— Вы хотите услышать неприятное описание? Оно поможет вам почувствовать себя смелее, но ничего не исправит.

Аглая встала у двери.

— Отказ предъявить основание отмечаю в журнале.

Крестов закрыл папку.

— Вы знаете, что оно действительно.

— Я знаю, что вы не показали его пассажиру.

Он взглянул на книгу у неё в руках. Теперь впервые появилась настороженность.

— Эту вещь следовало сдать.

— Кому?

— Вы получали распоряжение.

— Без подписи принимающей стороны.

Крестов постоял, затем отступил к двери. Илья понял, что Аглая говорит с ним на языке, который действительно ограничивает его. Хотя бы сейчас.

— До закрытия четвёртой ведомости постарайтесь не выходить из-под защиты, — сказал Крестов Вере. — Надеюсь, тот, кто обещал вам помощь, способен её предоставить.

Он сошёл на платформу и ушёл в дверь с надписью «Служебный проход».

Илья дождался, пока дверь закроется.

— Что за книга?

Аглая развернула её к нему. На первом листе, под таблицей, было выдавлено несколько слов.

«Хронос. Маршрутная сверка. Экземпляр пассажира».

— Единственная, которую я не сдала, — сказала она. — В таблицу вносят прибытие на каждую остановку. Переходные отметки ставит дежурный или водитель. А в карманах собирают основания: как линию принимали у истока, у каменного хода, у городского метро. Просто проехать недостаточно. Полный маршрут и проверенные основания дают право потребовать рассмотрения у архитектора.

— Вы знаете, где архитектор?

— В конце ветки. Дальше моей служебной зоны.

— Почему вы сами не поехали?

Аглая отогнула воротник. На коже под ключицей виднелась узкая медная пластинка с номером. Один край уходил под кожу.

— Мой пропуск кончается на двадцать первом веке. Я могу объяснять пассажирам правила. Открывать двери там, где имею право. Везти эту книгу до конца мне не разрешено.

Илья посмотрел на Веру. Она держалась за спинку скамьи, проверяя, выдержит ли нога.

— Начало ветки где?

— Двенадцатый век. Сначала вернитесь к коллеге. Рядом с выходом есть обратная площадка. Если решитесь, приходите туда.

Илья забрал книгу. Она оказалась тяжелее, чем выглядела.

Аглая придержала его за рукав.

— Одно уточнение. За чужую жизнь тут часто предлагают заплатить своей. Не соглашайтесь только потому, что это красиво звучит. Сначала выясните, кто выставил счёт.

Глава 4. Город без Антона

Майя сидела на ступеньке у закрытой решётки. Увидев Илью, она вскочила, потом остановилась, словно решила не облегчать ему встречу.

— Двадцать восемь минут, — сказала она. — Я здесь двадцать восемь минут. Телефон ловит только наверху. До дверей я дошла, поднялась в подвал, позвонила в дежурную службу. Меня попросили ещё раз назвать адрес и не спускаться.

— Ты сказала, что я ушёл с поездом?

— Я сказала, что человек пропал в подземном сооружении. Им хватило.

Вера остановилась за его плечом. Майя посмотрела на её порванный рукав и ссадину у виска.

— Врача вам надо. Болит что-нибудь?

— Нога, — сказала Вера. — Но я ходить могу.

— Покажете. Илья, объясняй.

Он начал с того, что услышал от Аглаи. Говорить оказалось трудно. Стоило произнести «восемьсот восемьдесят восьмой», как Майя переставала слушать и начинала рассматривать его зрачки. Он замолчал.

— Я знаю, как звучит, — сказал он. — Дай мне пять минут. Не верь пока. Просто подожди.

Майя выдохнула.

— Хорошо. Пять минут.

Илья подвёл Веру к скамье у стены. Аглая сказала, что переход между платформами защищён, но за выходной дверью начинается обычный город. У Веры дверь не открылась бы без талона; он проверять не стал. Оставил ей книгу и вышел с Майей в подвал.

Снаружи всё выглядело прежним. Корпус. Ограда. Лампа у будки, которую сторож почти никогда не включал. Над крышами шёл привычный городской свет.

Илья достал телефон. Появилась сеть. Поступили два рекламных уведомления и сообщение от матери: «На ужин оставила суп. Будешь поздно, не забудь убрать кастрюлю».

Он позвонил Антону.

Гудки шли долго. Ответил молодой женский голос.

— Да?

— Здравствуйте. Можно Антона Алексеевича?

— Кого?

Он назвал фамилию. Женщина сказала, что номер принадлежит ей семь лет, и попросила не звонить ночью.

Илья открыл переписку.

Она сохранилась. Фотография лестницы, ответ Антона, короткая шутка про «рисовальщиков с двумя левыми глазами». Последнее сообщение: «Если пойдёшь, только не один. И копию возьми, родной».

— Номер мог сменить, — сказала Майя.

— Сегодня днём?

— Ошибка у оператора. Да мало ли.

Он набрал номер института из памяти. Автоответчик сообщил часы работы. Тогда Илья открыл сайт кафедры. Список преподавателей загружался медленно. Фамилии Антона там не было.

— Он на пенсии, — сказал он вслух. — Поэтому.

Майя стояла рядом и не мешала искать объяснение.

Илья нашёл старую страницу выпускников. На групповой фотографии преподавателя заменил высокий мужчина с усами. Илья помнил, как стоял в третьем ряду, а Антон велел студенту перед ним перестать прятать сигарету: «На снимке всё равно не будет видно». Теперь в подписи под снимком значился другой руководитель.

— Ты этого человека помнишь? — спросил он.

Майя посмотрела.

— Конечно. Барсуков. Он у вас черчение вёл. Ты сам рассказывал.

— Нет.

— Илья...

— Антон вёл.

Он начал пролистывать переписку с ней. Упоминания старого преподавателя исчезли. Там, где ещё утром было «занесу план Антону», теперь стояло «сделаю копию вечером». Папка с планом находилась у него в руках. Копию он не делал.

Майя достала свой телефон.

— Я тебя не обманываю. Посмотри. И у меня то же самое.

На её экране была их переписка. Илья прочитал две одинаковые строки на двух аппаратах, затем снова открыл чат с Антоном. Отдельная старая переписка оставалась — сохранённая в памяти телефона, который он внёс на линию. Свежие данные пришли снаружи. Он ещё не мог объяснить механизм, но уже видел различие.

Майя предложила позвонить матери. Илья почти нажал на её контакт, потом остановился. Если мама тоже не помнила Антона, услышать это сейчас было бы трудно.

— У него квартира у Савёловского, — сказал он. — Там картина над столом. Ваза с двумя грушами. Его жена написала. Она умерла до того, как мы познакомились. На картине есть белая царапина. Когда шкаф заносили, угол рамы зацепили.

Он перечислял детали, будто точность описания могла вернуть хозяина квартиры.

Майя слушала, прижав телефон к груди.

— Что ты хочешь проверить?

Этот вопрос удержал его. Она не требовала ещё одного невероятного объяснения.

— Бумагу.

Он достал копию, но не развернул.

— Перед спуском мы смотрели её вместе. Что там нарисовано?

— Лестница. Надпись внизу. Ты увеличивал её сам.

— Чьи инициалы?

— Твои, наверное.

Он развернул лист.

В углу отчётливо стояло: «А. Зотов. По фотоснимку И. Сомова. Масштаб не установлен».

Майя взяла бумагу обеими руками. Посмотрела оборот, подняла к свету лампы. Потом открыла галерею. Среди снимков, сделанных перед спуском, лежала фотография того же листа.

На её фотографии подписи не было.

Некоторое время они молчали.

— Ты не мог... — начала она и замолчала.

Илья не торопил.

Майя поставила телефон рядом с бумажным листом. Линии совпадали: пятно у третьей ступеньки, разрыв обводки, выступающий угол рамки. Подпись отсутствовала только на экране.

— Это тот же лист, — сказала она.

— Я унес его с собой.

— А мой телефон остался здесь.

— Да.

Она вернула бумагу осторожно, держась за чистый угол.

С улицы послышался двигатель. У ворот остановилась машина. Илья увидел свет фар сквозь щель и решил, что приехала вызванная Майей служба. Она шагнула к воротам, но автомобиль тронулся дальше. Они снова остались одни.

— Пойдём к ней, — сказала Майя.

В подвале она шла медленно, светила под ноги. На последней площадке задержалась и посмотрела на открытую дверь.

— Если я туда войду, память останется моей?

— Так сказала кондуктор.

— А если выйду обратно?

— Не знаю.

Она кивнула.

— Наконец-то нормальный ответ.

Вера сидела на скамье с книгой на коленях. Она развязала тесный ботинок. Щиколотка опухла, но кожа не посинела. Майя осмотрела ногу, достала из аптечки эластичный бинт и спросила разрешения коснуться.

Вера согласилась.

— Надо холод, — сказала Майя. — И меньше ходить. Я не врач, но до врача так будет лучше.

— Вы умеете всё это? — спросила Вера, глядя на аптечку.

— Умею не делать хуже. Иногда получается.

Пока она бинтовала ногу, Илья подошёл к застеклённой схеме. Надпись с фамилией отца была на месте.

За стеклом теперь лежал ещё один листок.

Он не заметил, когда его положили.

«Дополнительная проверка. Связь незарегистрированного пассажира. А. А. Зотов».

Ни слова о судьбе, ни упоминания о древнем нарушении. Его знакомого выбрали по связи с ним. Кто-то подписал приказ, пока Илья сидел в вагоне и пытался понять, что происходит.

Он вынул телефон и сфотографировал листок. Теперь аппарат находился на линии. Возможно, снимок сохранится.

— Антона забрали из-за меня, — сказал он.

Майя подняла голову.

— Мы ещё не знаем, что с ним.

— Там его имя.

— Имя я вижу. Остальное надо выяснить.

Вера опустила ладонь на маршрутную книгу.

— Крестов сказал вам вернуться домой. Это было предупреждение.

Илья вспомнил его удобное пальто и мягкую улыбку. Он почувствовал злость, но вместе с ней пришла другая, неприятная мысль. Можно было остаться в подвале, дожидаться помощи, отдать девушку начальнику эксплуатации и надеяться, что на этом всё закончится.

С этой мыслью он жил несколько секунд. Затем подошёл к скамье.

— Я поеду к архитектору, — сказал он. — Вера, вы можете оставаться здесь. Защита, по словам Аглаи, работает.

— Здесь меня найдут, — сказала она. — А в книге нужны свидетельства. Вы не узнаете нашу контору. Я узнаю.

— Нога...

— Вы не будете решать всё за меня только потому, что вытащили с путей.

Он хотел сказать, что не собирался. Но собирался, и оправдание только усугубило бы дело.

— Хорошо. Тогда сколько вы можете пройти?

— Сейчас немного. После отдыха посмотрим.

Майя убрала аптечку.

— Я еду тоже.

— Тебе не надо.

— Человек, которого ты помнишь, исчез из моей головы. Я хочу понять, сколько ещё там чужой работы. И я не собираюсь отправлять вас вдвоём: один злой, другая еле стоит.

Илья посмотрел на её сумку. В ней были запасной аккумулятор, бутылка воды, печенье и набор инструментов, который она носила с собой даже в кафе. Сам он принёс фонарь, рейку, которая осталась в 1888, и бумаги, из-за которых исчез Антон.

Он расстегнул опустевшее отделение сумки, положил туда папку и застегнул снова. Майя без слов протянула ему вторую бутылку воды.

На обратной платформе открылась дверь. Аглая махнула им рукой. Рядом с ней стоял маленький двухвагонный поезд. Машинист внутри был другой: молодой, с густыми бровями, в круглых очках.

— До истока, — сказала Аглая. — Потом этот состав пойдёт вперёд по всем остановкам. Решили?

Майя взяла у неё билет. Вера поднялась, опираясь на скамью, затем на руку Ильи.

Он придержал её ровно настолько, насколько было нужно, и отпустил, когда она попросила.

Поезд тронулся.

В подвале над платформой осталась записка для прибывшей службы: трое живы, требуется обследование скрытого прохода, вход без проверки небезопасен. Майя оставила её с номером телефона и точным временем. Слово «эпоха» она не написала.

Глава 5. До названия

На первой остановке не было плитки.

Пол платформы составляли тяжёлые деревянные плахи, потемневшие от воды. Между ними проступала земля. Потолок держался на кривых стволах, с которых не сняли кору. Электрические лампы висели на железной трубе, выглядевшей здесь особенно нелепо.

За маленьким столом спала женщина. На плечи она набросила овчинную безрукавку поверх вязаного свитера. Один рукав свитера был заштопан нитками сразу трёх цветов.

Аглая позвонила в настольный колокольчик.

Женщина открыла глаза.

— Что везёшь?

— Маршрутную книгу. Трое.

— На исток?

— Да.

Она проснулась окончательно, посмотрела на Веру, затем на Илью и Майю.

— Поставь чайник. Они с конца пришли. Там обычно не кормят.

Аглая пошла к закутке за столом. Здесь её знали. Это немного успокоило Илью, но он не снял сумку с плеча.

На стене висели часы с одной стрелкой. Под ними — ряд деревянных жетонов на гвоздях. У каждого гвоздя были два отверстия, словно прежде жетонов висело больше.

— Дарья, — представилась женщина. — Можно Даша. На улице меня так не зовите. И лучше вообще не зовите.

Она взяла маршрутную книгу, раскрыла на первом кармане и долго разглядывала пустую строку. Потом перевернула обложку, проверила шов.

— Настоящая. Откуда взялась?

Аглая, вернувшаяся с чайником, поставила его на железную плиту.

— У меня хранилась.

— Значит, дождалась.

Дарья подняла глаза на Веру.

— Номер на рукаве зачем оставили?

Вера попыталась оторвать полоску, но нитки держали крепко.

— Ножницы есть?

Дарья достала их из ящика. Вера срезала стежки, сняла номер и положила на стол.

— Выкинуть? — спросил Илья.

— Не надо, — сказала Майя. — Это доказательство.

Она убрала полоску в прозрачный пакет из аптечки. Дарья посмотрела на неё с одобрением.

— Первая отметка ставится у двери истока, — сказала она. — Мне нужна ваша подпись под целью маршрута. Если она меняется, пишете новую. Без скрытых пассажиров, без подмены имени.

— Цель — найти архитектора, — сказал Илья.

— Для чего?

Он объяснил про Веру и Антона. Дарья выслушала, но карандаш не подала.

— Вернуть одного? Двух? Или отозвать четвёртую ведомость?

Илья задумался.

— Мы не знаем, кто ещё в ней.

— Вот это можно записать.

На чистом листе он написал: «Просим проверить основание четвёртой ведомости и прекратить её действие, если согласие получено обманом». Вера прочла, указала на слово «если».

— У меня точно обманом.

Илья исправил: «Заявляем об обмане при получении согласия и просим проверить всю ведомость». Все трое подписались.

Аглая налила чай в разные кружки. Хлеб она разрезала на доске, яблоко разделила на четыре части. Илья впервые за вечер понял, что голоден. Вера ела маленькими кусками, стараясь не торопиться, но сразу взяла второй ломоть, когда ей предложили.

— Вы из какого года? — спросила Майя Дарью.

— Из девятнадцатого столетия.

— А живёте здесь?

— Работаю. Живу в служебной комнате. На поверхность выхожу с талоном. Дольше одного дня не остаюсь, иначе обратная дверь меня не пустит. Придётся жить там до следующего окна, а оно может открыться через месяц.

— И что вы будете делать месяц?

— То же, что другие. Есть, работать, мерзнуть. Современная прививка меня от простуды не защищает.

Майя улыбнулась впервые со времени спуска. Не от слов про прививку — от того, как буднично Дарья отвечала.

Для отметки им выдали три деревянных жетона и велели держаться за линией вбитых в землю столбиков. На выходе висела металлическая табличка с их именами и временем возвращения. Илья сравнил её с часами над столом. Двадцать минут.

— Нам хватит?

— До первого камня и назад. Хватит, если не пойдёте разглядывать чужую жизнь.

Вера осталась сидеть, пока Дарья не принесла ей короткий деревянный костыль. Он был старый, гладко отполированный чужими ладонями. Вера проверила его, подстроила ремешок под запястье и поднялась.

Дверь вывела их на склон у воды.

Илья ожидал увидеть хотя бы отдалённо знакомые очертания города. Река текла вниз, над ней висел туман. На противоположном берегу чернели деревья; ближе к воде стояли несколько срубов. Где-то стучали топором. По склону тянулась узкая тропа к переправе.

Они оказались у Москвы задолго до многоэтажек, площадей и привычных мостов. Илья узнавал только уклон берега. Всё остальное исчезло, включая саму уверенность, что он умеет здесь ориентироваться.

Майя подняла телефон, потом опустила.

— Бессмысленно. Всё равно никто не поверит.

— Сними для нас, — сказал он.

Вера смотрела вниз, на маленькую лодку. В ней сидел мальчик, держа длинный шест. У причала двое мужчин укладывали мешки. Один мешок упал в воду, и мальчик потянулся за ним.

Дарья сразу повела их в другую сторону.

— Сюда. Не надо помогать всем, кого увидите.

— Он сейчас упадёт, — сказала Вера.

— Он умеет плавать. Я за ним не первый год смотрю.

— Но ведь здесь...

— Внутри окна время идёт. Я смотрю в разные дни. Не в один и тот же, сколько бы поездов ни прибыло.

Дарья остановилась у плоского камня, наполовину ушедшего в землю. Его верхнюю поверхность прорезала борозда. Илья сначала принял её за естественную трещину, потом заметил края: прямые, обработанные, с небольшим круглым углублением.

— Положите книгу сюда.

Он положил. Дарья вложила в углубление жетон со своим номером и прижала ладонью лист заявления.

Ничего не произошло.

Она нахмурилась, проверила жетон и часы, которые достала из кармана.

У переправы раздался крик.

Илья повернулся. Мальчик уже стоял в лодке и тянул верёвку, привязанную к мешку. Крепление причала сдвинулось. Две плахи сползли в воду, и стоявший на них мужчина упал следом. Другой удержался за опорный столб. Лодку отнесло к середине.

Вера шагнула к реке.

— Стойте, — сказала Дарья.

Илья увидел, что мужчина в воде держится за доску. До берега было недалеко, но одежда тянула его вниз. Удержавшийся рабочий не мог помочь: столб качался под ним.

Дарья вытащила из-за пазухи металлический свисток и свистнула два раза.

На другом берегу ответили. От срубов побежали люди.

— Успеют, — сказала она.

Но Илья уже видел, как доска выскользнула у мужчины из рук.

От камня к берегу шла линия столбиков. За последним их было ещё три — лежавшие на земле. Один кто-то выдернул, чтобы освободить подход к причалу. По правилам участок выхода мог включать берег, а мог кончаться у камня. Он не знал.

— Разрешение есть до воды? — спросил он.

Дарья открыла рот, затем посмотрела на последнюю поваленную метку.

— Было. Столб надо поставить.

— Вы ставьте. Я дойду до него.

Илья достал из сумки страховочную верёвку. Он брал её для измерений на старой лестнице, не для реки. Майя ухватила за конец, обмотала вокруг ствола тонкого дерева. Вера, опираясь на костыль, помогла ей протянуть верёвку по другую сторону. Дарья подняла метку и вдавила в прежнюю яму.

Илья сбежал по склону. Он не мог прыгнуть к мужчине: течение и мокрая одежда сделали бы их двумя пострадавшими. Вместо этого он кинул верёвку. Первый бросок ушёл в сторону. Второй лёг рядом с рукой.

— Держись!

Мужчина увидел верёвку и ухватился за неё.

Майя натянула свой конец. Илья отошёл вверх, тянул, пока подошвы не начали скользить. Вера села прямо на землю и зажала верёвку под локтем. Дарья стояла у метки, следила за выходной дверью и свистела, не переставая.

На помощь добежали двое. Они подхватили мокрого человека у берега, отнесли под навес. Мальчик развернул лодку и пристал ниже по течению. Верёвку Илье не вернули: она осталась натянутой у повреждённого причала.

Майя посмотрела на часы.

— Семь минут.

Дарья почти бегом повела их к камню. Она злилась, но Илья не понимал, на кого больше — на него или на выдернутый столб.

У книги появился запах сухого дерева. На первом листе проступили слова, которых раньше не было.

«Межевой знак восстановлен. Свидетель у воды подтверждён».

Ниже стояло Дарьино имя.

— Что это значит? — спросил Илья.

Она приложила свой жетон к углублению ещё раз. Вторая строка проявилась полностью.

— Дверь видела, куда вы дошли. Моя отметка не прошла, потому что границу унесли. Я могла бы подписать, что всё в порядке. Вы бы поверили. С камнем так не получится.

— А человек?

— Живой человек. К этой проверке отношения не имеет. Мы помогли ему в пределах выданного выхода. Не ищите теперь страшный счёт за каждый хороший поступок.

Илья медленно закрыл книгу.

Дарья довела их до двери раньше срока. На платформе поезд ещё стоял. Аглая осмотрела промокшие брюки Ильи, выслушала рассказ и выдала ему грубое полотенце.

— А ты говорила — до камня, — заметила она Дарье.

— До камня и сходили. По дороге немного изменилась местность.

Вера опустилась на скамью. У неё дрожала больная нога. Илья хотел извиниться за спешку, но она протянула ему снятый с руки ремешок.

— Надо перетянуть костыль. Мешает.

Он сел рядом и занялся застёжкой. Майя доедала оставшееся яблоко, опершись спиной о стену. За дверью истока остались туман, разрушенный причал и люди, у которых теперь был ещё один рабочий, вернувшийся из реки.

Илья выжал край брюк над полотенцем. Верёвка осталась у причала; забрать её теперь означало бы снова просить талон и отвлекать людей от ремонта. Он записал в книге, что оставил снаряжение для переправы, и больше к двери не пошёл.

Глава 6. Служебная лестница

Илья проснулся от запаха жареного лука.

Он не помнил, как заснул. Поезд уходил от истока; Майя рассказывала Аглае о фотографии, изменившейся в телефоне; Вера держала на коленях книгу, чтобы Илья мог расстегнуть промокшую куртку. Потом деревянная спинка скамьи вдруг стала удобной, и разговор потерял смысл.

Теперь поезд стоял.

За дверью кто-то размешивал еду в сковородке.

Майя сидела напротив, вытянув ноги. На её плече спала Вера. Опухшую щиколотку она положила на сумку Ильи. Рядом на скамье лежал телефон, включённый в незнакомую розетку через самодельный переходник.

— Это безопасно? — спросил он, хрипя спросонья.

Майя открыла один глаз.

— Нет. Я специально хочу нас взорвать.

Он замолчал. Она вздохнула.

— Замерила напряжение. Зарядка нормальная. Аглая сказала, стоим четыре часа. Тут стык служебных поездов. Я поспала, теперь твоя очередь.

— Где она?

— Получает отметку о проходе. На этой остановке отдельного выхода нам не нужно.

Майя показала ему раскрытую книгу: рядом с 1648 уже стояли номер состава и время прибытия.

Илья посмотрел в окно. На стене светилось 1648. Платформа была кирпичной, тесной, с высоким сводом. На дальнем конце стоял стол, за ним сутулился человек в очках. Именно он жарил лук на маленькой электрической плитке.

— А снаружи что?

— Не выясняла. Слышала звон. Колокольный. Илья, если мы на каждой остановке будем выбегать наверх, ноги у Веры не останутся, а сна ни у кого.

Он поднялся осторожно, чтобы не потревожить девушку, и вышел на платформу.

Человек у плитки отложил лопатку.

— Есть будешь?

Илья кивнул.

— Руки сначала. За той дверью. Воду не расходуй всю.

Умывальник находился в маленькой комнате с бетонными стенами. Соседство с древней кладкой выглядело грубым, зато вода была тёплой. Илья вымыл лицо, увидел в зеркале царапину у уха, которой раньше не заметил. Его куртка сохла на вешалке у входа. Аглая, видимо, сняла её, пока он спал.

Вернувшись к столу, он получил миску картошки с луком и кусок хлеба.

— Спартак, — сказал хозяин плитки. — Смотритель пересадки. Багаж не оставляйте у служебной лестницы. Начнут затаскивать грузы, затопчут.

— Илья.

— Знаю. В журнале видел. У вас сегодня гости будут.

— Какие?

Спартак указал лопаткой на окно в торце. За ним висела табличка «Приём распоряжений».

— Привезли запечатанный пакет на ваш состав. Аглая сейчас спорит. Умеет, но если бумага настоящая, всё равно откроет.

Илья поставил миску.

— Пакет уже здесь?

— На столе.

— Нам лучше уйти?

— Из вагона? Как раз наоборот. Но советовать не берусь. Я номер ведомости не знаю.

Он снял очки и протёр край рукавом. Илья заметил старый ожог на его запястье. Кожа там была светлее, гладкая, без волос.

— Обходчики могут войти в поезд?

— На станции, с актом проверки. В тоннеле двери не открыть. На истоке им служебного хода нет, туда надо ехать как пассажиру. Здесь есть лестница. Потому я и говорю: вещи у неё не бросайте.

Майя появилась в дверях вагона. Вера проснулась и сидела, растирая пальцы. Илья махнул им, чтобы оставались внутри.

Из бокового коридора вышла Аглая. В руке у неё был вскрытый конверт.

— Передайте пассажиру, — сказала она, протягивая лист Илье. — Пусть распишется в получении. Это не согласие.

Он прочитал первые строки. Крестов требовал вернуть Веру «для устранения последствий неправомерного вывода». Внизу стоял номер четвёртой ведомости. Среди имён для дополнительной проверки были Антон Зотов и Майя Ветрова.

Майя подошла ближе, прочитала через его плечо.

— Значит, мне надо оставаться в поезде?

— На платформе тоже можно, — ответила Аглая. — Но с этой станции вас уже вправе задержать до выяснения.

— Я ничего не меняла в прошлом.

— В приказе написано: пособничество выводу.

— Он это сейчас придумал?

Аглая не ответила. Её молчание было хуже утвердительного ответа.

За окошком приёма распоряжений щёлкнул замок. Спартак поставил плитку под стол, закрыл сковороду крышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.